

**БУЛАТ
ОКУДЖАВА**

ЧАСОВЫЕ ЛЮБВИ

Санкт-Петербург

НОЧЬ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Ничем тебя в памяти не превозмочь,
первая послевоенная ночь.
Отгремели салюты, сник закат,
улеглось победное торжество.
Но не спит, но по городу ходит солдат...
Это что за бессонница водит его?
Играет оркестр в старом саду.
Как много невест в этом году!
Холодное тело трубы обхватив,
трубит музыкант забытый мотив.
И просится в сердце мелодия та,
мигает фонарь, как единственный глаз,
кружатся невесты, плывет темнота...
С разлуки их молодость началась.
Безногие люди сидят на скамье,
они не хотят говорить о войне,
лишь вслед мне упрямо и долго глядят:
«Откуда такой невредимый солдат?»
И молча грустят и вздыхают незло:
«Здорово мальчику повезло...»
А мальчик по саду идет стороной,
мальчик, выращенный войной,
две морщинки у рта горьки-горьки,
и пылью пропитаны сапоги.

Где он не шел? По каким городам?
Полосатых верст подсчитать невмочь,
а сколько он мучился и страдал,
пока не нахлынула эта ночь,
ночь удивительной тишины,
первая ночь после войны!

1955

* * *

Шла девушка тропинкою лесной
не осенью,

не летом,

не весной;

январь ее не кутал в колкий снег...

Шла девушка в моем мальчишьем сне,

шла девушка, молчание храня,

и было ей совсем не до меня.

Задумчивая, нежная была

и не ждала меня, и не звала,

лишь только головою повела

и невзначай с собою увела.

Те сны прошли, и детства больше нет.

Но я иду, иду за нею вслед.

1956

НА ТВЕРСКОМ БУЛЬВАРЕ

На Тверском бульваре
вы не раз бывали,
но не было, чтоб места не хватило
на той скамье зеленой,
на перенаселенной,
как будто коммунальная квартира.

Та зеленая скамья,
я признаюсь без вранья,
даже в стужу согревала непутевого меня.

А с той скамьи зеленой,
с перенаселенной,
случается, и при любой погоде
одни уходят парами
дорожками бульварными,
другие в одиночестве уходят.

Та зеленая скамья,
я признаюсь без вранья,
для одних недолгий берег, для других
дымок жилья.

1956

АПРЕЛЬ

Когда исхоженное станет
студить последним декабрем,
седой архив воспоминаний,
не торопясь, переберем.
И вспыхнут давние надежды,
любви закружится метель.
И нам захочется, как прежде,
подкарауливать апрель,
чтоб по-весеннему одетым,
с двадцатилетием в груди
к девчонке, вынесшей букеты,
не спотыкаясь, подойти.
И, не боясь прослыть нелепым,
к груди девчонку ту прижать
и синих глаз сплошное небо,
да, только небо целовать.
Друзья, а мне до слез обидно,
Какой нас холод обволок?
Мы стали важны и солидны
не к месту, не к добру, не в срок.
И в кабинетах, как в потемках,
сидим, не поднимая глаз,
и та апрельская девчонка
с цветами ждет уже не нас...

ПОДМОСКОВЬЕ

I

Март намечается. Слезою со щеки
вдруг скатывается издалека...
И вербины цветы, как серые щенки,
ерошат шерсть и просят молока.
И тополи попеременно
босые ноги ставят в снег, скользя,
шагают, как великие князья, —
как будто безнадежно, но надменно.

II

Кричат за лесом электрички,
от лампы — тени по стене,
и бабочки, как еретички,
горят на медленном огне.
Сойди к реке по тропке топкой,
и понесет сквозь тишину
зари вечерней голос тонкий,
ее последнюю струну.
Там отпечатаны коленей
остроконечные следы,
как будто молятся олени,
чтоб не остаться без воды.

По берегам, луной залитым,
они стоят: глаза — к реке,
твердя вечерние молитвы
на тарабарском языке.
Там птицы каркают и стонут.
Синеют к ночи камыши,
и ветры с грустной истомой
всё дуют в дудочку души...

III

На белый бал берез не соберу.
Холодный хор хвои хранит молчанье.
Кукушки крик, как камешек отчаянья,
всё катится и катится в бору.

И все-таки я жду из тишины
(как тот актер, который знает цену
чужим словам, что он несет на сцену)
каких-то слов, которым нет цены.

Ведь у надежд всегда счастливый цвет,
надежный и таинственный немного,
особенно когда глядишь с порога,
особенно когда надежды нет.

IV

Как ты там поживаешь над рекой Серёной,
караями заселенной,
облаками засоренной?
Как ты там поживаешь в своем скворешнике,
примостившемся на берегу,

где полки молодого орешника
на бегу
изогнулись в дугу,
где в тине, зеленой и темной,
перепутались рыбы следы,
где ивы, упрямо и томно,
перелистывают книгу воды?..
А когда осенний дождичек частый
бубнит, как столетний дед,
кому ты выносишь в пригоршнях счастье,
которому имени нет?

V

Всё поле взглядом невзначай окинь:
костры, костры, костры и дух щавелей...
И трактора сползались на огонь
и желтыми лучами шевелили.
Осенний первый дождь спокойно шел
и не мешал огню, и было ярко,
и пахло щами и ржаною коркой.
Лес лисами и листьями шуршал.
Мы крепко спали на пороге дня.
Лишь дождь перебирал привычно струны,
и наши тени медленно и странно
плясали, приседая, у огня...

VI

А знаешь ты,
что времени у нас в обрез
и кошельки легки без серебра,

учитель мой, взъерошенный как бес,
живущий в ожидании добра?

Когда-нибудь
окончится осенний рейс,
и выяснится наконец, кто прав,
и скинет с плеч своих наш поздний лес
табличку медную: «За нарушение — штраф!»
Когда-нибудь
внезапно стихнет карусель
осенних рощ и неумытых луж,
и только изумленное: «Ужель
возможно это?!» — вырвется из душ.
И в небеса
взовьется белый дым змеей,
и, словно по законам волшебства,
мы пролетим над теплою землей
в обнимку,
как кленовая листва...

VII

Где-то там, где первый лег ручей,
где пробился корм, парной и смачный,
начинаются бунты грачей
и жуков торжественные свадьбы.
И меж ними, словно меж людьми,
разворачиваются, как горы,
долгие мистерии любви
и решительные разговоры.
И к коричневым глазам коров
и к безумным бусинкам кошачьим

подступают из глубин дворов
и согласие,
и неудачи...
И тогда доносится с небес,
словно мартовская канонада:
— Вы хотите друг без друга, без
маеты?..
— Не надо! Нет, не надо!
1956–1957

ГОЛУБОЙ ШАРИК

Девочка плачет: шарик улетел.
Ее утешают, а шарик летит.

Девушка плачет: жениха всё нет.
Ее утешают, а шарик летит.

Женщина плачет: муж ушел к другой.
Ее утешают, а шарик летит.

Плачет старушка: мало пожила...
А шарик вернулся, а он голубой.

1957

ВЕСЕЛЫЙ БАРАБАНЩИК

Встань пораньше, встань пораньше,
встань пораньше,
когда дворники маячат у ворот.
Ты увидишь, ты увидишь, как веселый барабанщик
в руки палочки кленовые берет.

Будет полдень, суматохою пропахший,
звон трамваев и людской водоворот,
но прислушайся — услышишь, как веселый
барабанщик
с барабаном вдоль по улице идет.

Будет вечер — заговорщик и обманщик,
темнота на мостовые упадет,
но взглядишь — и ты увидишь, как веселый
барабанщик
с барабаном вдоль по улице идет.

Грохот палочек... то ближе он, то дальше,
сквозь сумятицу, и полночь, и туман...
Неужели ты не слышишь, как веселый барабанщик
вдоль по улице пронесит барабан?!

ПОЛНОЧНЫЙ ТРОЛЛЕЙБУС

Когда мне невмочь пересилить беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус сажусь на ходу,
в последний,
случайный.

Полночный троллейбус, по улице мчи,
верши по бульварам круженье,
чтоб всех подобрать, потерпевших в ночи
крушенье,
крушенье.

Полночный троллейбус, мне дверь отвори!
Я знаю, как в зябкую полночь
твои пассажиры — матросы твои —
приходят
на помощь.

Я с ними не раз уходил от беды,
я к ним прикасался плечами...
Как много, представьте себе, доброты
в молчанье,
в молчанье.

Полночный троллейбус плывет по Москве,
Москва, как река, затухает,
и боль, что скворчком стучала в виске,
стихает,
стихает.

1957